

Озарения

Серия премии-медали Артюра Рембо

Озарения

Серия премии-медали Артюра Рембо

АЛЕКСЕЙ ХАЗАНСКИЙ

Артефакты Судьбы

Сборник стихов

Москва

Интернациональный Союз писателей

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Х15

Составитель серии Кристина Бикташева

Хазанский, Алексей

X15 Артефакты Судьбы: сборник стихов / А. Хазанский. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. – 252 с. (Серия «Озарения»).

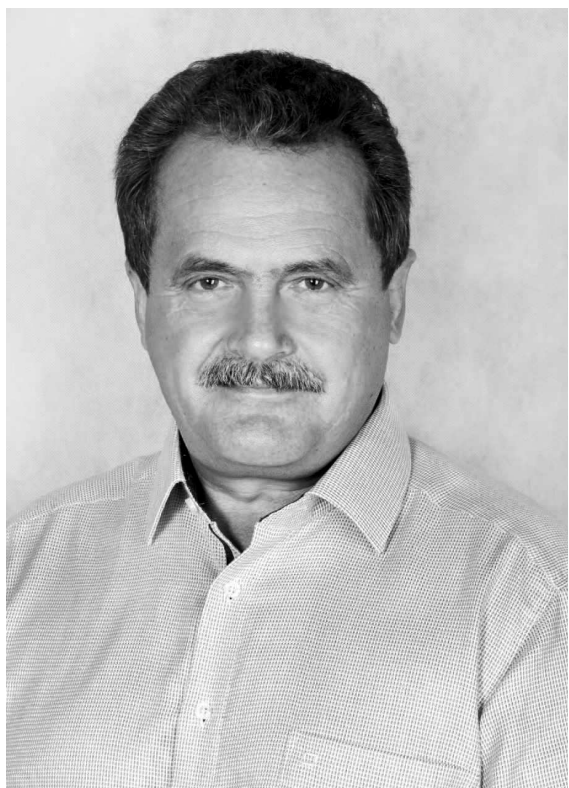
ISBN 978-5-907350-52-6

Новый авторский сборник стихов Алексея Хазанского включает в себя как избранные ранние произведения, так и стихи, написанные в течение 2014–2020 гг. Перед читателями открывается таинство внутренней вселенной человека, в которой находят отклик мгновения мятежной души, разрывающейся между встречами и расставаниями, ожогами памяти и неистовыми мечтами. Мгновения восторженные и печальные, счастливые и грустные нашли свое отражение в строках автора, представ перед читателями артефактами судьбы поэта.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-907350-52-6

© А. Хазанский, 2020
© Интернациональный Союз писателей, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люблю поэтов тонких, чувствующих все перепады ритма, неустанно ищущих собственную интонацию. Алексей Хазанский – из таких поэтов. Книга, которую читателю предстоит познать, – это сгусток пленительных поисков и лирических надрывов, что, собственно, и есть основа поэтического мировидения:

*Мечта моя, ты где-то существуешь.
Я верю и о встрече лишь молю.
Быть может, без меня сейчас тоскуешь,
Не слыша каждый день мое «ЛЮБЛЮ».*

Этот катрен чрезвычайно важен для того, чтобы взволнованно проследить, как Хазанский строит свой поэтический мир.

Во-первых, он идеально чувствует, где в пятистопном ямбе сделать цезуру, чтобы читатель ощутил живое дыхание живого человека.

Во-вторых, он строит свою речь предельно фонетически плавно, не случайно чередуя гласные и согласные, а бережно вслушиваясь в них.

В-третьих, его рифма фантастически конструктивно точна, именно за счет этого достигается законченность силлабо-тонической конструкции, возникает ощущение формального совершенства.

Все просто, как все гениальное. Попробуй повтори.

Книга называется «Артефакты Судьбы». В этом названии также прячется некий конструктивный принцип. Эта книга не просто набор стихотворений – это путь, который автор проходит с читателем, увлекательная экскурсия, где

вместо экспонатов мы знакомимся с переживаниями высочайшего накала.

В такой конструкции трудно переоценить важность финальной точки. К ней все стремится, она и суть, и итог. Уверен, что неслучайно в конце книги Хазанский помещает цикл «Дорожные Хроники – 2017. Три письма. Поезд «Сапсан». Москва – Санкт-Петербург».

Два русских города во вселенной русской поэзии незаменимы. И путь между ними – это путь без конечной точки, то есть путь в бесконечность и смысла, и мыслей. Таким образом, концовка у сборника классически открытая, но в этой открытости нет двусмысленности, в центре ее – лирический герой и его судьба.

Цикл построен на очень конкретных деталях, иногда почти бытовых, но от каждой детали тянется шлейф подтекста, придающего стихотворным строкам нужную глубину:

*Вагон опять смутил меня –
Флюиды прошлого:
Печаль о тех далеких днях
И мыслей крошево.*

*...Что ж, снова ждет меня перрон –
Все тайны выданы.
Пока, мой старый друг, вагон!
Скучай! Увидимся!*

Какие еще чудесные откровения сулит нам этот том?

В нем существуют одновременно многие жизненные истории, точка видения все время смещается: то автор в гуще событий, то философски от них отстраняется. Есть и заметная литературоцентричность, явные цитатные отсылки.

*Пригвожден – не железом, а временем.
И раздавлен – не массой, а случаем.
То, что есть в нашей жизни, не ценим мы –
Лжем себе, будто может быть лучшее.*

*Ожидания язва жестокая
Нас терзает своей обреченностью.
Среди близких людей одинокие,
В круг ошибок своих заключенные.*

*Пригвожден – не железом, а временем.
И раздавлен – не массой, а случаем.
Он – изгой среди чуждого племени:
Прошлым жить – нет печальнее участи...*

Вот ярчайший пример переосмысления блоковского «Я пригвожден к трактирной стойке». Все сделано тонко, со вкусом. Линии Блока развиваются, трансформируются в современном мышлении, но сохраняют свою суть. Нет никаких сомнений, что поэтическая родословная у Хазанского самая что ни на есть благородная.

Лирическая насыщенность этого сборника не оставляет никаких сомнений в подлинности стихотворных замыслов и их воплощений. У Хазанского не найдешь чрезмерного надрыва, биения себя в грудь. Вся его чувственность – в движении к сердцу читающего. Автор рисует образ, ему важно не фразировать, а заставить сопереживать.

*Почва выбита из-под ног,
Маяки превратились в дым.
Мир иллюзий, надежд, тревог
За мгновение стал чужим.*

*Белый лист или пустота?
Остановка? Финал пути?
Или в новую жизнь старт,
Чтобы прошлое отпустить.*

Здесь помимо тона стоит отметить ритмические колебания. Автор подстраивает ритм под нервную поступь человека, которому некуда идти. Вся картина становится зримой и выпуклой, даже не нужно специально что-то представлять, только вслушаться и всмотреться.

Поэт Хазанский не представляет своего творчества без высшей силы. Он часто обращается в своих стихотворениях к чему-то неземному. Однако в этом ракурсе нет ни капли начетничества или попытки скрыться за Божественным. Его вера в высшие силы – это то, что способно дать маленький ключ к определению поэзии.

Все, что говорилось выше о формальной стороне поэзии Хазанского, верно. Но будь все так очевидно, хорошие стихи мог бы написать любой. Однако это не так. И только принадлежность к чуду дает поэзии тот окрас, ту статью, которая вынуждает замирать людей от восторга и причастности к совершенству.

*Лишь потому поэты пишут строки,
В стихах сгорая от земных страстей,
Что в брэнной жизни часто одиноки,
Обманутые светом миражей...*

*Святой мечтой они живут на свете,
Что в параллельных, призрачных мирах
Их ждет душа, что верит в радость встречи,
Являясь к ним под утро в звездных снах.*

В завершение хочется сказать, что хоть наша поэзия сейчас и не в фаворе у крупных издателей, ее стоическое выживание – это заслуга таких поэтов, как Хазанский. Он никогда ни подо что не подстраивался, не искал дивидендов, просто он ткал свое поэтическое полотно и пристально следил, чтобы все нити были настоящими и подходящими.

Максим Замшев

